

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ИНСТИТУТ ПРАВА

(наименование института полностью)

Кафедра « Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.03.01 «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

(код и наименование направления подготовки, специальности)

«Уголовно-правовой»

(направленность (профиль)/специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему Уголовная ответственность за террористическую деятельность по
российскому уголовному праву

Студент	<u>Александр Владимирович Гусаров</u> (И.О. Фамилия)	_____ (личная подпись)
Руководитель	<u>Елена Анатольевна Верхова</u> (И.О. Фамилия)	_____ (личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой д.ю.н. С.И. Вершинина _____
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия) (личная подпись)

«_____» _____ 20 ____ г.

Тольятти 2018

Аннотация

Тема работы: «Уголовная ответственность за террористическую деятельность по российскому уголовному праву»

Актуальность темы бакалаврской работы «Уголовная ответственность за террористическую деятельность по российскому уголовному праву» заключается в том, что направления террористических угроз непредсказуемы и ни одно государство сегодня в полной мере не защищено от угроз терроризма.

Цель бакалаврской работы – провести комплексный уголовно-правовой анализ уголовной ответственности за террористическую деятельность по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации.

Задачи: 1) рассмотреть понятие террористической деятельности;

2) определить понятие и виды преступлений, относящихся к террористической деятельности;

3) проанализировать объективные и субъективные признаки отдельных составов преступлений, относящихся к террористической деятельности;

4) исследовать основания и условия освобождения от уголовной ответственности за террористическую деятельность;

5) выявить проблемы, возникающие на практике при усилении уголовной ответственности за террористическую деятельность.

Предмет - нормы действующего уголовного законы и других федеральных законов, регулирующих уголовную ответственность за террористическую деятельность, а также материалы юридической практики.

. Объект – общественные отношения в сфере уголовной ответственности за террористическую деятельность.

Основным методологические приемы - анализ, синтез, метод правового и исторического анализа и обобщения общей судебной практики.

Степень исследования проблематики неоднозначна. С одной стороны действующее законодательство достаточно детально и четко разработала положения против совершения террористических действий, но с другой – остается достаточно спорных вопросов о целесообразности применения данных положений.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, которые логически подразделены на параграфы, заключения, списка используемых источников и нескольких видов приложений, которые позволят более четко отразить некоторые положения работы.

Общий объем работы составляет 68 страниц.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за террористическую деятельность.....	7
1.1. Понятие террористической деятельности.....	7
1.2. Понятие и виды преступлений, относящихся к террористической деятельности.....	14
1.3. Уголовно-правовой анализ отдельных составов преступлений, относящихся к террористической деятельности.....	20
Глава 2. Практика реализации уголовной ответственности за террористическую деятельность.....	21
2.1. Вопросы освобождения от уголовной ответственности за террористическую деятельность.....	21
2.2. Проблемы усиления уголовной ответственность за террористическую деятельность.....	44
Заключение.....	57
Список используемых источников.....	60

Введение

Актуальность темы бакалаврской работы «Уголовная ответственность за террористическую деятельность по российскому уголовному праву» заключается в том, что направления террористических угроз непредсказуемы и ни одно государство сегодня в полной мере не защищено от угроз терроризма.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [5] деятельность террористических организаций включена в число основных угроз государственной и общественной безопасности.

По официальным данным Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2016 г. было зарегистрировано 2227 преступлений террористического характера, что на 44,8% больше по сравнению с предшествующим 2015 г. [55] В 2017 г. наблюдается тенденция снижения количества зарегистрированных преступлений террористического характера на 16 % и составило 1871 преступление [56]. За четыре месяца текущего 2018 года (январь-апрель) на территории Российской Федерации зарегистрировано 614 преступлений террористического характера [54].

По причине высокой степени общественной опасности преступлений террористической направленности в России принят ряд нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия терроризму. Принципиально важно и то, что федеральный законодатель в последние годы идет по пути серьезных корректировок уголовного законодательства.

Так, была переименована ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (ранее она называлась «Терроризм», теперь - «Террористический акт»), соответствующим образом уточнена гипотеза данной нормы. Ее диспозиция и санкция не раз позднее подвергались дополнениям и изменениям. Аналогичным образом обстоит ситуация и с другими составами преступлений террористической направленности.

Однако остается ряд нерешенных проблем относительно уголовной ответственности за террористическую деятельность.

Например, в качестве пробела следует признать отсутствие в ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации указания на экстремистский мотив, что не позволяет дать должную уголовно-правовую оценку террористическому акту, который совершается по экстремистским мотивам и не сопровождается целями воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

Несмотря на тот факт, что система международно-правовых норм в области борьбы с финансированием терроризма не нова, до настоящего момента ее нельзя назвать в полной мере совершенной и высокоэффективной. Одной из проблем является несовершенство понятийного аппарата. В частности, обобщение доктринальных и легальных подходов к трактовке дефиниции «финансирование терроризма» позволяет с уверенностью сделать вывод об отсутствии единообразия в определении содержания названного термина.

Все выше изложенное объясняет актуальность и насущность обращения к проблеме уголовной ответственности за террористическую деятельность.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения в сфере уголовной ответственности за террористическую деятельность.

Предметом исследования являются нормы действующего уголовного закона и других федеральных законов, регулирующих уголовную ответственность за террористическую деятельность, а также материалы юридической практики.

Цель бакалаврской работы – провести комплексный уголовно-правовой анализ уголовной ответственности за террористическую деятельность по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятие террористической деятельности;

2) определить понятие и виды преступлений, относящихся к террористической деятельности;

3) проанализировать объективные и субъективные признаки отдельных составов преступлений, относящихся к террористической деятельности;

4) исследовать основания и условия освобождения от уголовной ответственности за террористическую деятельность;

5) выявить проблемы, возникающие на практике при усилении уголовной ответственности за террористическую деятельность.

В современных реалиях терроризм - это сложное социальное явление, исследованием которого занимаются ученые-юристы в рамках нескольких специальностей: уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право; судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности; административное право, административный процесс и др. Более того, терроризм также представляет научный интерес для психологов, политологов, историков, социологов, что подтверждает многогранность исследуемого нами явления. Отдельные аспекты терроризма в целом и уголовной ответственности за преступления террористической направленности рассмотрены в трудах Д.Ю. Асташкина, С.С. Галахова, С.А. Дробота, О.М. Епхиева, В.П. Еферина, Д.В. Замышляева, Е.П. Ильина, Т.З. Имакова, В.В. Кафтана, А.Г. Кибальника, А.И. Рарога и др.

При написании настоящей бакалаврской работы автор изучал и анализировал работы следующих ученых: М.Г. Жилкина, Р.С. Калинина, С.М. Кочои, А.И. Рарога, А.С. Руденко, Т.В. Николаевой и др.

Структурно бакалаврская работа представляет собой совокупность следующих элементов: введение, две главы, пять параграфов, заключение и список используемых источников.

Глава 1. Теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за террористическую деятельность

1.1 Понятие террористической деятельности

В правовой литературе нет исчерпывающего определения термина «терроризм». Изначально применительно к данному явлению использовалось такое понятие как «террор», имеющего латинские корни («terror» - страх, ужас) [17, с. 90].

В научной литературе некоторыми учеными отождествляются такие понятия, как «терроризм» и «террор», что является некорректным. Прежде всего, это объясняется тем, что некоторые юристы считают, что «под термином «терроризм» подразумеваются практикующиеся политические убийства, оппозиционные организации и их тактика, а что касается понятия «террор», то оно рассматривается как репрессивные действия государства» [38, с. 35]. По мнению других, «террор» используется, как метод насилия, а «терроризм» выступает, как применение этого метода посредством индивидуальных террористических актов [13, с. 46].

Остановившись на отечественных исследователях и их трактовках термина, в первую очередь, следует сказать, что в научных изысканиях авторов часто ориентиром служат словари, в которых, в большинстве своем, вовсе не дается определение терроризма, а всего лишь поясняется его суть, без определения признаков. К примеру, терроризм в толковом словаре В.И. Даля определяется как «устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [19, с. 401].

Согласно русскому толковому словарю С.И. Ожегова термину «терроризм» дается уже более конкретная характеристика, как «устрашение противника путем физического насилия, вплоть до уничтожения, а терроризм – это практика террора» [40, с. 824].

Краткий политический словарь под террором предлагает понимать «политику устрашения, насилия и расправы с политическим противником вплоть до физического его уничтожения». Террористический акт толкуется как «нанесение тяжкого телесного повреждения физическому лицу в связи с выполнением им политических задач» [6, с. 257].

В современной научной литературе терроризм изучается с трех основных позиций: социально-политической, правовой и психологической [46, с. 13].

Подобным образом рассматривает терроризм В.В. Витюк, по мнению которого, во-первых, «терроризм, является тактикой политической борьбы, связанной с сознательным и систематическим осуществлением насильственных действий, во-вторых, это не только физическое устрашение тех или иных влиятельных лиц, но и устрашение целых правительств или социальных групп, и, наконец, в-третьих, это тактика, состоящая в систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс» [16, с. 7].

По мнению Ф.Н. Ильясова «терроризм – это форма проявления агрессии, которая, в свою очередь, определяется как поведение, направленное на распределение и перераспределение ресурсов. В основе любой агрессии, согласно мнению исследователя, лежит страх – эмоциональные и поведенческие реакции, вызванные угрозой (реальной или мнимой) потерять или не приумножить ресурсы. Стремление приумножить ресурсы детерминируется страхом столкнуться с проблемой дефицита ресурсов. Исходя из вышесказанного, терроризм следует воспринимать как действия, направленные на получение (увеличение) ресурсов быстро, незаконно и насильно. Таким образом, террорист – это индивид, который длительное время накапливал «страх дефицита ресурсов». Терракт представляет собой «прорыв» в поведение аккумулированной эмоции страха, т.е. терракт – это отсроченная агрессия» [27, с. 81].

«Совершенно разные цели, – отмечает Ю.М. Антонян, – могут преследоваться при нападении на государственных и политических деятелей, сотрудников правоохранительных органов и «рядовых» граждан, при уничтожении или повреждении заводов, фабрик, предприятий связи, транспорта и других аналогичных действиях, но о терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса. Это основная черта терроризма, его специфика, позволяющая отделить его от смежных и очень похожих на него преступлений» [10, с. 8].

С точки зрения В.П. Емельянова, следует проводить черту между понятиями «террор» и «терроризм». Если «террор» является «социально-политическим фактором действительности, то «терроризм» – явление уголовно-правового свойства» [23, с. 31]. Другими словами, данные понятия по своей сущности и значимости последствий для социума находятся на разных уровнях. Кроме того, В.П. Емельянов, сравнивая террор с такими понятиями, как «агрессия», «геноцид», делает вывод о том, что террор является массовым насилием, которое применяют власти [23, с. 31]. Более того, автор обращает внимание на такое важное свойство терроризма, как широкая огласка и открытое предъявление требований [23, с. 36].

А.И. Рарог в качестве отличительных признаков терроризма называет повышенную общественную опасность, которая обусловлена «масштабным характером его проявлений». По словам ученого «террористы преднамеренно создают обстановку страха, подавленности, напряженности» [47, с. 158].

Понятие терроризма дано в Федеральном законе «О противодействии терроризму» [3] согласно ст. 3 которого, терроризм – это «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Необходимо заметить, что данное определение термина «терроризм» очень точно указывает цель

террористических действий и определяет субъектов, на которых оказывается воздействие. Недостатком легального определения терроризма следует указать на отсутствие указания на масштабность и открытость проявления терроризма.

В связи с изложенным, более полно все указанные выше мнения относительно понятия терроризма, отражен в его определении, сформулированным С.М. Ивлиевым: «терроризм - это обусловленное определенными идеологическими, политическими, экономическими предпосылками комплексное криминальное явление, имеющее сложную (многоуровневую и многоэлементную) структуру, выражающееся в угрозе, подготовке и (или) совершении единичных или серии последовательных террористических актов, а также иных деяний террористического характера, рассчитанных на публичное восприятие и устрашение населения или социальных групп в целях принуждения к принятию государственными органами, международными или общественными институтами либо должностными лицами какого-либо решения или отказу от него в интересах террористов» [26, с. 30].

С целью конкретизации составных элементов терроризма (террористических актов) в вышеуказанной статье ФЗ «О противодействии терроризму», российское законодательство было вынуждено не только изменить законодательство, но и перенести понятие в другой правовой источник – Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) [2]. Так, согласно ст. 205 УК РФ террористический акт – это совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Таким образом, российское законодательство закрепляет как общеправовое понятие «терроризм», так и уголовно-правовую

составляющую этого явления, выражением которого выступает «террористический акт». В целом же, терроризм имеет свои отличительные признаки:

- 1) масштабность, максимальная публичность и пропагандистский характер отдельных террористических акций;
- 2) устрашение посредством создания обстановки всеобщего страха;
- 3) наличие особых методов террористической деятельности, которые могут выражаться в применении насилия, создания условий, представляющих опасность для жизни, уничтожение или повреждение имущества и т.д.

Что касается террористической деятельности, то в ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму», данное понятие раскрывается посредством перечисления видов действий, т.е. «террористическая деятельность - деятельность, включающая в себя:

- а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;
- г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».

Как можно заметить, террористическая деятельность выступает предметно-практической стороной терроризма.

Террористическая деятельность, как и любая другая деятельность имеет свои цели и задачи. Цель террористической деятельности заключается в оказании воздействия на государство в лице ее руководителей и политических деятелей, международные организации и отдельные группы населения.

Задачи, на реализацию которых направлена деятельность субъектов терроризма, можно разделить на основные и вспомогательные (обеспечивающие) [46, с. 16].

Основные задачи террористической деятельности заключаются в достижении промежуточных результатов, что в свою очередь позволяет добиться реализации декларируемых целей терроризма. Это может быть уничтожение определенного государственного деятеля или проведение популяризации террористической идеологии. Решение вспомогательных задач осуществляется в процессе организационной, материально-технической, финансовой подготовки конкретной террористической акции.

Субъектами терроризма выступают различные террористические организации, преступные группы (организации), которые используют террор как одно из средств для достижения своих неполитических (криминальных) целей [46, с. 18], и террористы-одиночки. Вопрос о возможности определения государства как субъекта терроризма достаточно спорный. Ряд ученых полагают, что сущность терроризма не связана с государственной деятельностью, и относят к субъектам терроризма исключительно негосударственные организации и частных лиц.

Учитывая сферы реализации целей, на осуществление которых направлена террористическая деятельность, можно выделить следующие виды терроризма:

- 1) политический терроризм. Направлен на попытку влиять на регулирование политическими процессами, подрывает систему государственной власти и управления;

2) социальный терроризм. Основой выступают глубокие внутренние конфликты и социально-политические противоречия;

3) национальный терроризм. Порождается национальными конфликтами на территории одного государства и осуществляется по этническому признаку;

4) религиозный терроризм. Подразделяется на фундаменталистский и сектантский.

Террористическая деятельность принимает формы как внутреннего, так и международного терроризма.

Особенность внутреннего терроризма заключается в том, что он осуществляется в рамках одного государства. В свою очередь, международный терроризм наиболее сложное и многоаспектное явление. Он отличается наиболее масштабной террористической деятельностью, представляет угрозу международному порядку.

Субъектом международного терроризма выступают террористические организации, которые действуют в различных странах, в то же время тесно сотрудничают друг с другом с целью реализации поставленных задач. Эти организации обладают внушительными финансовыми и человеческими ресурсами. На данный момент никто не может назвать даже примерное количество членов международных террористических организаций. Известно лишь то, что это не просто фанатики, а достаточно подготовленные и мотивированные последователи своей идеологии. Представители данных организаций внедряются в силовые и политические структуры различных стран мира, тем самым прямо или косвенно воздействуя через своих представителей на внутреннюю и внешнюю политику отдельных стран.

Следует отметить, что международный терроризм отличается мощными финансовыми возможностями и сетью центров подготовки террористов расположенных по всему миру, где обучают и вербуют будущих смертников и подрывников.

К сожалению, в международном праве так и не выработано единого и общепризнанного подхода к определению международного терроризма. Все это приводит к низкому уровню организации совместной антитеррористической борьбы с данной глобальной угрозой.

Соотнося понятия «терроризм» и «террористическая деятельность», стал очевиден тот факт, что понятие «терроризм» представляет собой социально-политическое явление, а «террористическая деятельность» рассматривается как предметно-практическая сторона терроризма.

В целом под террористической деятельностью следует понимать указанные в законе виды деятельности, имеющие устрашающий характер и (или) иные формы противоправных насильственных действий, направленные на идеологию насилия, оказывающие практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями.

1.2 Понятие и виды преступлений, относящихся к террористической деятельности

В предыдущей части исследования было отмечено к террористической деятельности относятся конкретно указанные в законе виды деятельности, обладающие соответствующими признаками терроризма.

В ФЗ «О противодействии терроризму» данные виды деятельности просто перечислены. Более конкретно они раскрываются в УК РФ, в котором каждый из видов террористической деятельности наделен признаками преступления, совершение которого влечет наступление уголовной ответственности.

По справедливому замечанию ученых в настоящее время имеется необходимость разработать определение преступлений, относящихся к террористической деятельности, так как «общее определение этих преступлений могло бы способствовать решению проблем их

предупреждения и грамотной правовой регламентации. Это должно отразиться на подходе к установлению санкций за совершение таких преступлений, оценке степени их общественной опасности, разграничению данных составов от схожих, решению вопросов о наличии в деянии лица (лиц) одного из самостоятельных составов преступления, относящегося к террористической деятельности или только стадии совершения другого преступления, или о наличии множественности преступлений» [34, с. 108].

М.Н. Копылов и Д.М. Минязев предлагают преступления, относящиеся к террористической деятельности понимать следующим образом: «совершение или угроза совершения предусмотренных уголовным законом действий, устрашающих население, нагнетающих состояние паники, дестабилизирующих обстановку в стране и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, или иных тяжких последствий в целях воздействия на принятие диктуемого решения органами государственной власти, представителями иностранного государства или сотрудниками международной организации, пользующимися международной защитой, а также активное содействие совершению таких действий или их финансирование» [34, с. 110].

Сложность в формулировки преступлений, относящихся к террористической деятельности, заключается, прежде всего, в том, что данные составы преступлений разбросаны в действующем уголовном законе по различным главам и разделам. Что бы более конкретно разобраться с тем, что же все таки следует понимать под данными видами преступлений, необходимо определить какие конкретно составы преступлений УК РФ относит к террористической деятельности.

В УК РФ в примечании 2 к ст. 205.2 дано определение террористической деятельности как «совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205 - 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 настоящего Кодекса». Если более конкретно, то в УК РФ

выделены следующие составы преступлений, относящиеся к террористической деятельности:

- 1) террористический акт (ст. 205 УК РФ);
- 2) содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ);
- 3) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ);
- 4) прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ);
- 5) организация террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ);
- 6) организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ);
- 7) несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ);
- 8) захват заложника (ст. 206 УК РФ);
- 9) организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ)
- 10) угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ);
- 11) незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ);
- 12) хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (ст. 221 УК РФ);
- 13) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- 14) насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ);
- 15) вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ);
- 16) нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ);

17) акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Как можно заметить, в отличие от подп. 2 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму», уголовный закон к террористической деятельности относит террористический акт, т.е. «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях (подп. 3 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»).

Перечисленные виды преступлений расположены в трех различных разделах и главах УК РФ.

Так, составы преступлений, предусмотренные статьями 205-221 УК РФ, относятся к преступлениям, направленным против общественной безопасности, и размещены в главе 24 «Преступления против общественной безопасности раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка».

Преступления, предусмотренные статьями 277, 278 и 279 УК РФ, являются преступлениями, направленными против основ конституционного строя и безопасности государства (гл. 29 УК РФ) и расположены в разделе X «Преступления против государственной власти» К РФ.

Статьи 360 и 361 УК РФ являются преступлениями, направленными против мира и безопасности человечества, т.е. включены в главу 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» раздела XII с таким же названием.

Такое разделение преступлений, относящихся к террористической деятельности, по различным разделам УК РФ связано с тем, что они посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны. При этом определяется это не сущностью данных групп преступлений, «а исключительно субъективной волей законодателя» [47, с. 162]. В связи с чем,

в доктрине возникают позиции согласно которой, «фактически объект преступления сегодня не является основой для построения Особенной части УК РФ, поскольку отсутствует строгий порядок в классификации и имеют место несоответствия наименований глав УК РФ их содержанию» [15, с. 4]. Подтверждением сказанного являются преступления террористической направленности, идею объединения, которых «по признаку их объекта подрывает несовпадение законодательных перечней таких преступлений: в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ почему-то не упоминается ст. 361 УК РФ, а в ч. 1 ст. 205.3 не названы ст. ст. 220 и 221 УК РФ. Видимо, наиболее полным следует считать перечень преступлений террористической направленности, приведенный в ст. 205.6 УК РФ, но различия между ними объяснить довольно трудно» [47, с. 163].

Кроме того, важно отметить, что подобный «разброс» законодателя преступлений, относящихся к террористической деятельности, лишний раз показывает, что данная деятельность причиняет угрозу многим объектам уголовно-правовой охраны. Объединяющим же элементом данных составов преступления, как раз и является сама террористическая деятельность, направленная, имеющая устрашающий характер и оказывающая практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти или международными организациями.

Сходство преступлений, относящихся к террористической деятельности, заключается в конструкции их составов. Так, прежде всего, все рассматриваемые составы преступлений, «относятся к так называемым составам «угрозы опасностью», основные составы - формальные и (или) усеченные, представляют собой конкретные действия, пропагандирующие и реализующие идеологию терроризма, идеи насилия. Совершение каждого из преступлений, отнесенных к террористической деятельности, предполагает развитие целой цепи непредсказуемых последствий, как для общества в целом, неопределенной группы лиц, государства или двух и более государств, так и для отдельных граждан и их близких; губит психику людей, ломает

налаженный образ жизни, разрушает духовные материальные и культурные ценности, которые могут не восстановиться никогда, порождает ненависть и недоверие между социальными и национальными группами» [34, с. 109].

Средством воздействия и привлечения общественного внимания в рассматриваемых составах преступления, является запугивание людей, угрозы и практическое применение насилия по отношению к невинным людям.

Все преступления террористической направленности имеют цель – «оказание воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, поэтому их можно рассматривать как вид политического насилия, совершаемого с целью изменения политического правопорядка» [22, с. 496]. Если говорить обобщенно, то исследуемые виды преступлений относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений и лишь некоторые к преступлениям средней тяжести (ст. 205.6, ч. 1 ст. 220 УК РФ).

Обязательным признаком исследуемых видов преступлений, является «применение или возможность применения физического насилия, и все составы связаны с психическим воздействием на людей» [34, с. 109].

По словам М.Н. Копылова и Д.М. Минязева, террористическая деятельность представляет собой акты насилия, т.е. «взрывы, поджоги, захват заложников, угон воздушного судна, или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, сопровождаемые неизбежными фактами причинения вреда его здоровью или даже смерти человеку, насильственный захват власти, вооруженный мятеж создают обстановку беспокойства и страха среди населения» [34, с. 109].

Иными словами, сущность преступлений, относящихся к террористической деятельности, выражается в таких понятиях, как насилие, призывы к совершению актов насилия, угроза его применения, уничтожение (повреждение) имущества, причинение смерти, вреда здоровью. Кроме того,

обязательным признаком данных преступлений, является их открытый, т.е. «публичный характер, рассчитанный на широкую огласку» [34, с. 110].

Особенностью преступлений террористической направленности, является их сложный составный характер, т.е. когда «одно действие (бездействие), направленное на устрашение населения, имеет вспомогательное значение по отношению к основному действию - понуждению к выполнению заявленных террористами требований, выступает определенным способом основного действия. При этом любое, отдельно взятое преступление, входящее в перечень образующих террористическую деятельность, следует рассматривать как составную часть в системе всех этих преступлений» [34, с. 110].

Изложенное позволяет сформулировать следующее определение преступлений, относящихся к террористической деятельности: предусмотренные Уголовным кодексом РФ преступления, которые совершаются посредством действий, имеющие устрашающий характер и (или) иными формами противоправных насильственных действий, направленные на идеологию насилия, оказывающие практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти или международными организациями.

1.3 Уголовно-правовой анализ отдельных составов преступлений, относящихся к террористической деятельности

В связи с ограниченностью объема исследования всех норм, закрепляющих уголовную ответственность за террористическую деятельность, в настоящей части бакалаврской работы будет рассмотрен состав террористического акта (ст. 205 УК РФ), занимающий центральное место в системе «антитеррористических» норм в действующем Уголовном кодексе РФ.

Статья 205 УК РФ находится в IX разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», в главе 24 «Преступления против общественной безопасности».

В доктрине считается, что террористический акт является многообъектным преступлением, так как при его совершении происходит посягательство на жизнь и здоровье граждан, имущество, общественную безопасность и нормальное функционирование органов власти [10, с. 275-276]. По мнению других ученых, законодатель охватил все объекты, на которые посягает данное преступление, одним объектом – общественной безопасностью [50, с. 32].

Представляется более правильным определить, что основным объектом террористического акта является общественная безопасность.

Некоторые ученые выделяют следующие виды общественной безопасности: социальная безопасность, безопасность дорожного движения, пожарная, санитарная, техногенная безопасность, экономическая, экологическая и информационная безопасность [30, с. 78]. Такая классификация свидетельствует о том, что посягательство на хотя бы один из этих видов безопасности влияет на состояние защищенности общества.

Б.П. Кондрашов в содержании понятия общественной безопасности отмечают, это не только «состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества», но и «государственных органов» и «государства» в целом [33, с. 8]. Такой вывод может исходить из того, что государство как часть политической сферы общества, обеспечивает координацию всей общественной жизни. В связи с этим процессы, происходящие в обществе, влияют на состояние государства.

В связи с вышесказанным, можно предложить следующее содержание понятия общественная безопасность: система общественных отношений, направленных на обеспечение безопасного существования и соблюдения прав личности, общества (включая общественные объединения и организации), а также нормальную координацию общественной жизни государством.

Отношения по охране жизни и здоровья человека, отношения собственности – являются факультативным объектом террористического акта [32, с. 896].

С объективной точки зрения, террористический акт может быть совершен только путем действий, выраженных альтернативно в двух формах: 1) совершение действий, указанных в ст. 205 УК РФ и 2) угроза совершения таких действий.

Наиболее типичными способами совершения террористического акта являются поджог и взрыв, которые имеют общепасный характер, выражающийся в создании реальной опасности наступления обозначенных в законе последствий [49, с. 108].

В последнее время особую опасность приобретают случаи совершения террористических актов путем поджога, который состоит в умышленных действиях, направленных на уничтожение или повреждение различных объектов с помощью открытого огня.

Так, суд квалифицировал действия ФИО2 в составе организованной группы террористического акта, устрашающего население и создающего опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба - поджога офиса Симферопольского отделения политической партии «Единая Россия», в целях воздействия на принятие решения органами власти о выходе Республики Крым из состава Российской Федерации, т.е. как преступление, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ (Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда № 1-39/2015 от 25.08.2015 г. по делу № 1-39/2015) [69].

На практике вызывает сложности толкование такого признака объективной стороны террористического акта, как «иные действия».

Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [64] (далее – Постановление № 1) под иными действиями, устрашающими население и создающими опасность

гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом, например устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений.

В доктрине к иным действиям предлагается также относить, к примеру, наведение лазерного излучения на движущийся объект [60, с. 22-25], при условии, что такие действия также имеют устрашающий характер.

Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 содержит примерный перечень способов выражения угрозы, которая должна свидетельствовать о реальной опасности наступления указанных в законе общественноопасных последствий.

Устрашающими население могут быть признаны такие действия, которые по своему характеру способны вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т.п. (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1).

Так, в 20 часов 11 минут 27 ноября 2011 года Насонов, имея при себе емкость с моторным маслом и баллончик с краской, пришел в Калининграде к парку Южный, на территории которого расположена стройплощадка мечети, где встретился с Б. Насонов предложил Б. совершить вместе с ним взрыв и исполнить на заборе надпись антикавказского содержания. Совершение взрыва газовых баллонов в месте и время, которые выбрал

Насонов, реально угрожало жизни людей, устрашало их, влекло причинение материального вреда. Очевидно, что задуманная Насоновым акция могла ухудшить межнациональные отношения в стране и явиться поводом к аналогичным действиям религиозных экстремистов (Приговор Калининградского областного суда № 2-12/2012 от 12.07.2012 г. по делу № 2-12/2012) [70].

В ч. 1 ст. 205 УК РФ основной состав терроризма сконструирован законодателем по типу формальных и это преступлений считается оконченным либо после совершения одного или сразу нескольких вышеуказанных действий, либо после высказывания реальной угрозы совершить такие действия.

В случае реального наступления описанных в диспозиции общественно опасных последствий деяние необходимо соответственно квалифицировать по п. «б» или «в» ч. 2 ст. 205 либо по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ.

В случае ненаступления последствия, действия квалифицируются как неоконченное преступление. К примеру, во исполнение указанного замысла о взрыве, имеющем целью устрашение населения и воздействие на органы власти, создающем опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба религиозной организации мусульман Калининграда, а также иных тяжких последствий в виде ухудшения межнациональных и межконфессиональных отношений в России и ответных провокаций террористического характера со стороны религиозных экстремистов, в 20 часов 11 минут 27 ноября 2011 года Насонов, имея при себе емкость с моторным маслом и баллончик с краской, пришел в Калининграде к парку Южный, на территории которого расположена стройплощадка мечети, где встретился с Б., которого принял за пользователя Интернет-ресурса «В.» с псевдонимом «Ю.», осведомленного о запланированных противоправных действиях. В течение последующего получаса Насонов предложил Б., действовавшему в рамках проводимого сотрудниками ФСБ оперативного эксперимента, совершить вместе с ним взрыв вышеописанным способом и

исполнить на заборе надпись антикавказского содержания, а затем с маслом и краской пришел вместе с Б. для совершения взрыва к ограде строительной площадки мечети, осмотрел ее, определяя путь проникновения на стройплощадку, и вознамерился преодолеть ограждение, но не довел преступление до конца из-за вмешательства Б., отвлекшего его под предлогом подыскания более удобного места и вызова на помощь единомышленника, и подавшего условный сигнал сотрудникам УФСБ России по Калининградской области, которые задержали Насонова.

Приговором Калининградского областного суда Насонов был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 30, частью 1 статьи 205 УК РФ (Приговор Калининградского областного суда № 2-12/2012 от 12.07.2012 г. по делу № 2-12/2012) [70].

Анализ субъективных признаков любого преступления в целом и террористического акта в частности уместно начать с характеристики субъекта рассматриваемого преступления. В юридической науке субъектом преступления признается лицо, его совершившее, обладающее совокупностью общих и специальных признаков, отражающих его деликтоспособность [43, с. 68-110], в связи с чем выделяются общий и специальный субъекты преступления [61, с. 99-102].

Уголовная ответственность по ст. 205 УК РФ применима только по отношению к вменяемому физическому лицу, достигшему возраста уголовной ответственности.

В Российской Федерации возраст, с которого наступает уголовная ответственность, установлен в ст. 20 УК РФ.

В ч. 1 ст. 20 УК РФ установлен общий возраст уголовной ответственности — 16 лет. Нормы о понижении общего возраста до 14 лет, в том числе, за совершение наиболее опасных преступлений изложены в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Из положений ч. 2 ст. 20 УК РФ следует, что с 14 лет наступает ответственность и за террористический акт. Это обусловлено высокой степенью общественной опасности указанного преступления, а также тем,

что осознание лицом его общественной опасности и противоправности к возрасту 14 лет уже сформировалось. Именно это обстоятельство традиционно служит обоснованием понижения общего возраста уголовной ответственности в российской юридической науке.

Применительно к совершению террористических актов, в том числе, путем приведения в действие самодельного взрывного устройства, закрепленного на теле человека, известны случаи использования в этих целях даже детей, причем в разном качестве: и в качестве смертников, и для установки взрывных устройств [29, с. 122].

В литературе пониженный возраст уголовной ответственности за совершение террористического акта не получил однозначной положительной оценки. С одной стороны, справедливо отмечается, что вовлечение в исполнение террористического акта подростков облегчает его совершение, поскольку они привлекают меньше внимания, чем взрослые, либо им легко прививаются радикальные идеи, рассматривающие террористическую деятельность как социальную норму или необходимость [58, с. 70].

С другой стороны, некоторые авторы обосновывают его повышение до 16 лет, основываясь на социальной незрелости подростков и копировании ими поведения авторитетных для них взрослых, либо легкости манипулирования подростками со стороны взрослых соучастников [12, с. 9; 18, с. 11].

Следует согласиться с теми авторами, которые предлагают включить в положения об уголовной ответственности за террористический акт признак использования лиц, заведомо для виновного не достигших 16-летнего возраста [7, с. 50-52].

В данный момент такие действия могут быть квалифицированы как совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 205 и ст. 205.1 УК РФ. Однако, такая квалификация является более сложной, а также не полностью охватывает случаи гибели несовершеннолетнего (например, при использовании его для переноски

взрывного устройства, взрыв которого дистанционно инициируется взрослым соучастником). При таких обстоятельствах преступные действия уместно квалифицировать по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, а факт вовлечения в террористическую деятельность может утратить уголовно-правовое значение из-за невозможности его доказать. Более того, законодательство Российской Федерации не предполагает установления разной ответственности за вербовку и иные формы вовлечения в террористическую деятельность взрослых и несовершеннолетних. Это следует признать пробелом в законодательном регулировании, поскольку в последнем случае субъект вовлечения посягает не только на общественную безопасность, но и на нормальное нравственное развитие несовершеннолетних. Квалификация этих действий как совокупности преступлений, предусмотренных ст. 150 и 205.1 УК РФ, выглядит излишне громоздкой. В связи с изложенными обстоятельствами, можно сделать вывод о необходимости дифференцированного подхода к участию несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет в совершении террористических актов.

Во-первых, при непосредственном участии несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет в совершении взрыва, поджога или иных разновидностей террористического акта целесообразно привлечение данных лиц к уголовной ответственности по соответствующей части ст. 205 УК РФ. Иное означало бы фактическую безнаказанность лица, осознающего в связи с социальной незрелостью не в той степени, как взрослый человек, общественную опасность и противоправность совершенных действий. При наличии особых условий применения наказания к несовершеннолетним, закрепленных в разд. V УК РФ, уголовная ответственность за совершение террористического акта, наступающая по достижении возраста 14 лет, полностью справедлива.

Во-вторых, должна быть дифференцирована ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение тех преступлений террористического характера, ответственность за которые наступает с 14 лет.

Для этого представляется возможным дополнить ч. 2 ст. 205.1 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении несовершеннолетнего».

В-третьих, при фактическом использовании несовершеннолетнего в качестве террориста-смертника необходима особая уголовно-правовая оценка данного деяния. В связи с этим целесообразно рассмотреть возможность дополнения ст. 205 УК РФ самостоятельной ч. 2.1 следующего содержания: «Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, сопряженные с использованием для их совершения несовершеннолетнего или лица, не осознающего фактический характер и общественную опасность своих действий, если его смерть или причинение тяжкого вреда его здоровью были неизбежны, наказываются ...», установив соизмеримую меру ответственности. Такая законодательная конструкция создаст механизм специальной уголовно-правовой защиты лиц, не достигших возраста 18 лет, как от вовлечения в осуществление террористической деятельности, так и от манипулирования ими в преступных целях. Взрослое лицо может участвовать в совершении террористического акта посредством самоподрыва, осознавая неизбежность своей гибели, и даже если оно подвергалось особой психологической обработке, совершеннолетний возраст и вменяемость позволяют ему самостоятельно принимать решения. Несовершеннолетние в такой ситуации оказываются, по сути, жертвами преступления [29, с. 123].

Таким образом, анализ такого субъективного признака преступления, как возраст наступления уголовной ответственности за террористический акт (акт терроризма) позволяет сделать выводы об отсутствии необходимости его повышения, целесообразности создания механизма специальной уголовно-правовой защиты лиц, не достигших возраста 18 лет как от вовлечения в осуществление террористической деятельности, так и от манипулирования ими в преступных целях, а также о целесообразности дифференцированного подхода к участию несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет в совершении террористических актов (актов терроризма).

Говоря о психическом отношении виновного к террористическим действиям, следует отметить, что здесь имеют место альтернативные цели. Террористический акт совершается только с прямым умыслом и при наличии одной или сразу обеих целей: дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций либо воздействовать на них с целью принятия ими определенного решения либо отказа от такого решения [57, с. 12].

Однако А.И. Рарог обращает внимание на «узость законодательного определения целей, поскольку террористы зачастую преследуют цель дестабилизировать не только деятельность публичной власти, а вообще социальную обстановку в определенной местности» [47, с. 163].

Так, по одному делу, суд указал на то, что умысел, сформированный у террористического сообщества в середине апреля 2014 г., реализованный в действиях, непосредственно направленных на совершение террористического акта - определение времени, места, состава участников, приискание взрывного устройства, свидетельствует об осуществлении организованной группой подготовительных мероприятий, чем ФИОЗ умышленно создал условия членам террористического сообщества для совершения взрыва, устрашающего население и создающего опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, в целях дестабилизации деятельности органов власти, воздействия на принятие ими решения (Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда № 1-39/2015 от 25.08.2015 г. по делу № 1-39/2015) [69].

Вторая цель – это воздействие на принятие решений органов власти или международных организаций. Под воздействием понимается оказание влияния для того, чтобы добиться определенного результата.

Интересен такой пример из судебной практики по установлению вины преступника.

Так, судом было установлено, что Насонов, осознавая преступность своих намерений, имея специальную подготовку электрогазосварщика и зная

о наличии на стройплощадке мечети баллонов со сжатым кислородом, а также об их взрывоопасности при смешивании кислорода и масел, во изменение способа запланированного им преступления решил произвести взрыв на строительной площадке мечети путем своего проникновения туда, отыскания баллонов со сжатым кислородом, открывания их вентиля и набрасывания на них ткани, смоченной принесенным с собой техническим маслом. Взрыв Насонов намеревался сопроводить нанесением на ограду стройплощадки надписи с содержанием, направленным против кавказцев. Однако сотрудниками УФСБ России по Калининградской области Насонов был задержан. При этом по мнению суда, довод о том, что если бы Насонова не задержали, и он привел во взаимодействие кислород и промасленную ткань, то взрыв находившегося на стройке баллона со сжатым кислородом не произошел бы по ряду причин (из-за неполноты баллона, сбрасывания тряпки с вентиля потоком кислорода, недостаточного количества горючего промасленного материала, иной реакции и т.п.), не влияет на ответственность подсудимого, поскольку основывается на обстоятельствах, не соответствующих намерениям Насонова. Подобные предположения защиты не опровергают сведений, доказывающих общественную опасность действий подсудимого, желавшего произвести взрыв способом, который он не без оснований считал годным, и совершившего к тому конкретные подготовительные действия. В результате действия Насонова были квалифицированы по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (Приговор Калининградского областного суда № 2-12/2012 от 12.07.2012 г. по делу № 2-12/2012) [70].

Таким образом, субъективная сторона террористического акта характеризуется прямым умыслом, совершается в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Мотивы и эмоции не являются обязательными признаками деяния.

Проведенный в первой главе бакалаврской работы теоретико-правовой анализ уголовной ответственности за террористическую деятельность, позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Террористическая деятельность – это указанные в законы виды деятельности, имеющие устрашающий характер и (или) иные формы противоправных насильственных действий, направленные на идеологию насилия, оказывающие практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями.

2. Преступления, относящиеся к террористической деятельности – это предусмотренные Уголовным кодексом РФ преступления, которые совершаются посредством действий, имеющие устрашающий характер и (или) иными формами противоправных насильственных действий, направленные на идеологию насилия, оказывающие практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями.

3. Перечисленные в УК РФ преступления, относящиеся к террористической деятельности расположены в трех различных разделах и главах УК РФ. Объединяющим элементом данных составов преступления является террористическая деятельность, имеющая устрашающий характер и оказывающая практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти или международными организациями.

Глава 2. Практика реализации уголовной ответственности за террористическую деятельность

2.1 Вопросы освобождения от уголовной ответственности за террористическую деятельность

Уголовная ответственность за террористическую деятельность реализуется не только посредством назначения уголовного наказания. Особое значение имеют компромиссно-поощрительные меры борьбы с терроризмом, которые выражаются в специальных видах освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, регламентированные в примечаниях к семи статьям Особенной части УК РФ: ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208 УК РФ. Такие меры борьбы с преступлениями террористического характера играют весьма значительную роль в процессе осуществления задач УК РФ, поскольку направлены на предотвращение наступления или снижение тяжести уже наступивших общественно опасных последствий терроризма [20, с. 58].

Необходимо отметить, что, несмотря на традиционные основы регламентации уголовно-правовых оснований и порядка применения таких компромиссно-поощрительных мер борьбы с терроризмом, в настоящее время приходится констатировать, что некоторые из них не укладываются в общепризнанный алгоритм, противоречат положениям общих норм об основаниях уголовной ответственности, о множественности преступлений и другим нормам Общей части УК РФ.

Это порождает несогласованность положений уголовного законодательства, что, в свою очередь, исключает возможность достижения системного эффекта в борьбе с терроризмом. В связи с этим для достижения максимального результата в борьбе с терроризмом, а также обеспечения ясности, логичности и последовательности положений отечественного уголовного законодательства рассматриваемые нормы УК РФ о специальных

видах освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений террористического характера следует привести в соответствие положениям Общей и Особенной частей УК РФ [20, с. 59].

Первое, на что следует обратить внимание в процессе анализа системы специальных условий освобождения от уголовной ответственности при совершении преступлений террористического характера, это влияние фактора множественности таких преступлений на возможность применения к виновному рассматриваемых компромиссно-поощрительных норм.

Исходя из общего правила, изложенного в ч. 2 ст. 75 УК РФ, регламентирующего освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, при совершении преступлений, отличных от категории впервые совершенных преступлений небольшой или средней тяжести, «лицо освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Анализ соответствующих положений Особенной части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за терроризм позволил выявить особенности отдельных компромиссно-поощрительных норм, исключающих их применение в случае квалификации факта множественности соответствующих преступлений террористического характера.

Так, в частности, в соответствии с положениями примечания к ст. 205.5 УК РФ «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Так, к примеру, доводы осужденного Магомедова о необоснованности осуждения за приготовление к участию в деятельности организации,

которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, являются несостоятельными и опровергаются доказательствами, приведенными в приговоре, в том числе оглашенными в установленном законом порядке показаниями самого Магомедова на предварительном следствии, данными им в присутствии адвоката, которые полностью согласуются с показаниями С. об обстоятельствах их совместного пребывания в Турции и попытке выезда в Сирию с целью участия в боевых действиях на стороне «ИГИЛ». Версия о попытке выезда в Сирию с целью заработка впервые была выдвинута Магомедовым в суде и обоснованно отвергнута как не соответствующая действительности ввиду ее противоречия иным доказательствам, приведенным в приговоре. Довод Магомедова о том, что после выдворения в Российскую Федерацию он не совершал действий, свидетельствующих о намерении участвовать в террористической организации, не свидетельствует об отсутствии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, в ранее совершенном им деянии. Что касается его мнения о возможности освобождения его от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 205.5 УК РФ, то оно является ошибочным, так как по делу не установлено данных, объективно свидетельствующих о его добровольном отказе от совершения указанного преступления, поскольку согласно материалам дела ни в период пребывания в Турции, ни после выдворения в Россию Магомедов официально не заявлял о прекращении им действий, образующих состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 201-АПУ17-51) [66].

Аналогичным образом сконструированы положения примечания к ст. 208 УК РФ, в соответствии с которым «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании и сдавшее

оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Необходимо отметить, что примечания к иным нормам УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за не менее опасные преступления террористического характера не предусматривают каких-либо ограничений их применения в зависимости от факта множественности террористической деятельности виновного (примечания к ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 206 УК РФ). Не содержат подобного ограничения и абсолютное большинство соответствующих примечаний к иным нормам Особенной части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Однако в примечаниях к статьям 205.5 и 208 УК РФ данное освобождение возможно, если лицо совершило такое преступление впервые. При этом данное ограничение было введено Федеральным законом от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ. Некоторые ученые полагают, что нет никаких оснований, препятствующих установлению подобного ограничения также в примечании к ст. 205.4 УК РФ. Гуманизм антитеррористического законодательства должен сочетаться с неотвратимостью ответственности в случае его нарушения [51, с. 124].

При всем при этом, ни в законопроекте, ни в самом законе, ни в действующих редакциях рассматриваемых примечаний не содержится легального определения термина «впервые», в связи с чем представляется, что его толкование должно соответствовать общепризнанному алгоритму квалификации множественности преступлений и, соответственно, случаев совершения преступления впервые.

Так, в соответствии с п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [63] «впервые совершившим преступление следует считать лицо: а) совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено; б) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления не вступил

в законную силу; в) предыдущий приговор в отношении которого на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности; г) предыдущий приговор в отношении которого вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; д) которое ранее было освобождено от уголовной ответственности».

Таким образом, лицом, впервые совершившим преступление, признается не только лицо, фактически впервые совершившее преступление, но и лицо, ранее фактически совершившее преступление, при отсутствии уголовно-правовых последствий его совершения. Следовательно, о совершении лицом ранее преступления террористического характера можно вести речь только в период действия судимости за совершение рассматриваемых преступлений.

С учетом вышеизложенного лицами, впервые совершившими организацию деятельности террористической организации или незаконного вооруженного формирования или участие в их деятельности, предусмотренные ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ, должны признаваться не только лица, фактически впервые совершившие данные преступления, но и лица, которые либо ранее совершили данные преступления, но еще не были осуждены, либо лица, которые были осуждены, но в отношении которых либо еще не наступили (приговор не вступил в законную силу), либо уже завершились уголовно-правовые последствия совершения преступлений (судимость за преступление снята или погашена), либо такие правовые последствия, по сути, завершились, «практически не начавшись» (когда лицо на законных основаниях было освобождено от уголовной ответственности или наказания, что исключает судимость).

Таким образом, ограничительные изменения и дополнения ст. 205.5, 208 УК РФ в части возможности применения специального основания

освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только в отношении лиц, впервые совершивших рассматриваемые преступления, распространяются только лишь на лиц, по сути, имеющих за них судимость, и не распространяются на иные категории лиц, включая тех, которые ранее фактически организовывали либо участвовали в деятельности террористической организации или незаконного вооруженного формирования, а также иных преступлений как общеуголовного, так и террористического характера [20, с. 59].

Выше обозначенные выводы и рекомендации верховного правоприменителя по квалификации признака «впервые совершенного преступления» вполне согласуются с положениями Общей части УК РФ и конституционным принципом презумпции невиновности. Так, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 49 Конституции РФ «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Кроме того, в соответствии со ст. 86 УК РФ «Судимость» «1. Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость в соответствии с настоящим Кодексом учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральными законами. 2. Лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым....

6. Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью».

Следовательно, для юридически значимого признания факта повторного совершения лицом рассматриваемых преступлений террористического характера, с уголовно-правовой точки зрения,

необходимо установить, что, во-первых, в отношении данного лица имеется уже вступивший в законную силу обвинительный приговор суда за совершение обозначенных преступлений; во-вторых, судимость за них еще не погашена или не снята; в-третьих, это лицо не освобождено от наказания. Только при совокупности названных условий лицо не может быть признано «впервые совершившим преступление»; во всех остальных случаях лицо признается совершившим преступление впервые [20, с. 60].

Такой же подход к квалификации признака «совершение преступления впервые» поддерживается и в доктрине уголовного права и находит отражение в работах многих известных авторов.

Таким образом, ограничительные меры в виде «совершения преступления впервые», влекущие принципиальную недопустимость освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием виновного в организации деятельности или участии в террористической организации или незаконном вооруженном формировании на основании примечаний к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ, распространяются только на лиц, осужденных, отбывающих наказание или уже отбывших наказание за рассматриваемые преступления, но в период действия судимости. К обозначенной категории лиц рассматриваемые компромиссно-поощрительные меры не могут быть применены, даже несмотря на наличие всей совокупности иных признаков деятельного раскаяния, включая действительную добровольность прекращения их участия в преступной деятельности террористической организации или незаконного вооруженного формирования.

Обозначенный ограничительный подход в части регламентации компромиссно-поощрительных норм в борьбе с преступлениями террористического характера исключительно и только в отношении лиц, впервые их совершивших, не вполне логичен.

Представляется, что освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от продолжения участия в террористической

организации или незаконном вооруженном формировании есть компромиссно-поощрительная норма. При этом А.В. Кайшев, характеризуя подобного рода нормы, а также основания и условия их применения, отмечает, что они представляют собой, с одной стороны, «средства удовлетворения государством своего интереса, выражающегося в достижении цели установления справедливости посредством отказа от своего права или исполнения своей обязанности наказывать лицо, совершающее или совершившее преступление при условии точного выполнения им требований закона». С другой стороны, это есть «средства удовлетворения государством своего интереса, выражающегося в достижении целей уголовного наказания посредством определения модели активного позитивного поведения лица, совершившего общественно опасное деяние, и его правовых последствий в виде исключения преступности деяния, освобождения от уголовной ответственности или наказания либо смягчения последнего» [28, с. 182].

При этом к критериям допустимости компромисса, а также к основаниям применения поощрения в уголовном праве А.В. Кайшев относит высокую «социальную значимость охраняемых уголовным законом интересов», а также «социально полезное поведение лица после совершения им общественно опасного деяния, делающее нецелесообразным привлечение его к уголовной ответственности, либо назначение наказания в полном объеме» [28, с. 183].

Х.Д. Аликперов, обосновывая значимость компромиссно-поощрительных норм в уголовном праве, указывает на необходимость отказа от, по сути, законодательно обусловленного стремления к подавлению во что бы то ни стало виновного как инициатора конфликта. По его мнению, «именно учет интересов виновного и возможность разумного смягчения его участи в рамках и на основе закона в обмен на положительный посткриминальный поступок в ряде случаев обеспечивают оптимальные результаты, как с точки зрения их справедливости, так и с

точки зрения обеспечения или восстановления целостности объектов правоохраны, компенсации причиненного вреда, экономии сил и средств правоохранительных органов» [8, с. 12]. При этом, по мнению Х.Д. Аликперова, «под нормами уголовного законодательства, допускающими компромисс, следует понимать нормы Общей и Особенной части уголовного закона, в которых лицу, совершившему преступление, гарантируется освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом поступков, определенных в законе» [8, с. 12].

Подобного рода выводы относительно оснований применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на основе положений Особенной части УК РФ получены многими другими авторами. При этом они не относят к числу обоснованно необходимых принципов уголовно-правовой регламентации и условиям применения компромиссно-поощрительных норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при совершении особо тяжких преступлений террористического характера наличие или отсутствие факта их множественности или же, напротив, совершения данных преступлений впервые.

При действительной значимости цели компромиссно-поощрительного взаимодействия с преступником и при нецелесообразности ее достижения уголовно-репрессивными или иными подобными, не связанными с компромиссом мерами вопрос о характеристике личности виновного как рецидивиста или лица, впервые совершившего преступление, не может и не должен иметь определяющего значения. Кроме того, отметим, что множественность совершения преступлений, равно как и совершение лицом преступления впервые, по большей части относится к характеристикам личности виновного, которые, с точки зрения отечественного уголовного законодательства, чаще всего учитываются не в процессе дифференциации ответственности, а в процессе индивидуализации наказания.

Значимость и необходимость использования в рассматриваемых примечаниях словосочетания «совершение преступления впервые» требует обратить внимание на ряд особенностей построения аналогичных компромиссно-поощрительных примечаний к общим и специальным нормам Особенной части УК РФ, регламентирующих ответственность за преступления, существенно различающиеся по характеру и степени общественной опасности.

Так, к примеру, примечание к ст. 126 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности за похищение человека предусматривает в качестве условий правоприменения добровольное освобождение похищенного. В то же самое время состав незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ), как состав менее опасного преступления, сходного с похищением человека по отдельным объективным признакам, вообще не предусматривает компромиссных мер пресечения преступления.

С другой стороны, регламентированный ст. 206 УК РФ состав захвата заложника, как наиболее опасный вид незаконного лишения свободы, представляющий собой преступление террористического характера, предусматривает возможность освобождения виновного от уголовной ответственности не только в случае добровольного освобождения потерпевшего, но и в случае такого освобождения, осуществленного по требованию властей.

Так, из протокола судебного заседания усматривалось, что свидетели Я. К., потерпевшие И. и Б. фактически опровергли в суде довод адвокатов Мальцева и Карабанова о том, что Петросян добровольно освободил указанных потерпевших до выполнения выдвинутых им требований, пояснив при этом, что Петросян освободил Б. только после трансляции его видеообращения по федеральным каналам, в чем осужденный убедился через одного из своих знакомых, пообщавшись с ним по телефону, продолжив удерживать И. в качестве заложника и выдвинув перед "переговорщиками" дополнительное условие освобождения потерпевшего -

трансляцию его видеообращения и происходящих событий по всем федеральным каналам, а также наличие журналистов на месте происшествия для освещения происходящего.

Данное обстоятельство подтвердил в суде и сам Петросян, что не позволяет применить к нему примечание к ст. 206 УК РФ в отношении потерпевших И. и Б., о чем ошибочно заявляли защитники осужденного (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.12.2017 г. № 201-АПУ17-45) [65].

Таким образом, приведенный пример характеризует достаточно устоявшийся алгоритм уголовно-правовой регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных мер: чем выше общественная опасность преступления, тем меньше правоограничений регламентируется законом для применения уголовно-правового компромисса в целях осуществления задач Уголовного кодекса.

Подобного рода ситуация наблюдается в процессе анализа положений ст. 210 УК РФ об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), а также содержания ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем». Анализ санкций основных составов рассматриваемых преступлений позволяет сделать вывод о (пусть и ненамного, но все же) большей общественной опасности террористического преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ по сравнению с общественной опасностью организации или участия в деятельности общеуголовных преступного сообщества или преступной организации, предусмотренных ст. 210 УК РФ. Вместе с тем, примечание к составу менее опасного преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, в качестве оснований освобождения от уголовной ответственности требует не только добровольного прекращения участия в преступном сообществе или организации и сообщения об их существовании (чего уже достаточно для применения примечания к антитеррористической ст. 205.4 УК РФ), но и

активного способствования виновного раскрытию или пресечению этих преступлений. Этого, в свою очередь, не требуется для освобождения виновного от уголовной ответственности за организацию или участие в деятельности террористического сообщества. Таким образом, в приведенном примере также прослеживается взаимосвязь между высокой общественной опасностью преступления и более широкими возможностями применения компромиссно поощрительных мер осуществления задач Уголовного кодекса по предупреждению преступлений террористического характера.

Представляется, что распространение рассматриваемых специальных условий освобождения от уголовной ответственности только на виновных, впервые совершивших преступления террористического характера, предусмотренные ст. 205.5 и 208 УК РФ, недостаточно обосновано. Они не в полной мере согласуются с вышеприведенными положениями УК РФ, описывающими традиционно устоявшийся алгоритм регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных норм в процессе пресечения особо тяжких преступлений террористического характера. При этом следует отметить, что положения Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, в соответствии с которыми в примечания к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ были внесены ограничивающие их применение признаки «совершение данных преступлений впервые», не были аргументированы в пояснительной записке к законопроекту [44]. Они не нашли ни положительных, ни отрицательных отзывов в сопроводительных документах к законопроекту: ни в официальных отзывах со стороны Верховного Суда РФ [41] и Правительства РФ [42], ни в заключении Комитета по безопасности и противодействию коррупции (решение № 174/6) [48] и не прошли должного обсуждения в процессе законотворческой деятельности по их принятию.

Принимая во внимание вышеизложенное, целесообразно исключить из текстов примечаний к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ слова «впервые».

Это позволит расширить действие обозначенных компромиссно-поощрительных норм до традиционных границ. Такие изменения, в свою очередь, будут способствовать обеспечению максимальной степени реализации задач уголовного закона посредством применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием после совершения особо тяжких преступлений террористического характера.

Кроме того, такие изменения будут способствовать систематизации уголовно-правовой регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных мер в борьбе с терроризмом. В свою очередь, обозначенная систематизация положений уголовного закона будет способствовать повышению степени его ясности, а также логичной последовательности и обоснованности его положений.

2.2 Проблемы усиления уголовной ответственность за террористическую деятельность

Современная уголовная политика в сфере противодействия терроризму нацелена на усиление уголовной ответственности за террористическую деятельность и осуществляется по нескольким направлениям.

Прежде всего, это введение новых составов преступлений.

Так, в 2002 году была введена ст. 205.1 УК РФ, которая по сей день вызывает некоторые споры.

Например, С.М. Кочои указывает, что «сам принцип дополнения УК РФ статьями, подобными ст. 205.1, порочен. Сегодня самостоятельной нормой Особенной части УК РФ является содействие совершению терроризма, завтра таковым признают вовлечение в государственную измену, послезавтра - организацию убийства и т.д.» [36, с. 79].

С.У Дикаев считает необходимым «исключить из УК РФ ст. 205.1 УК РФ как нарушающую внутреннюю логику уголовного законодательства, так как статьи 33 и 205 УК РФ позволяют привлекать к ответственности всех, кто умышленно оказывает содействие террористам, в том числе и финансовое» [21, с. 46].

Вместе с тем, введение данного состава преступления в УК РФ было обусловлено рядом причин: Во-первых, признание действий по оказанию содействия в совершении преступлений террористического характера, оконченным составом преступления способствует наиболее эффективному противодействию данному явлению на ранних стадиях. Во-вторых, при содействии лица в осуществлении терроризма, как явления общего, не конкретизируя, на совершение какого именно преступления направлены усилия лица, с введением ст. 205.1 УК РФ не требуется доказывать его умысел на пособничество в уже совершенном преступлении.

Но включение в ст. 205.1 УК РФ некоторых квалифицирующих признаков вызывает вопросы целесообразности такого нововведения. Так, в 2010 года указанная норма была дополнена ч. 3, предусматривающей ответственность за пособничество в совершении террористического акта. В 2016 году в данную часть была добавлена ответственность за пособничество: в захвате заложника, если он совершен организованной группой или повлек по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия; в создании, руководстве, финансировании незаконного вооруженного формирования.

Понятие пособничества, указанное в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ совпадает с понятием пособника, изложенным в ч. 5 ст. 33 УК РФ, а также включает положения института прикосновенности к преступлению. В связи с чем, происходит конкуренция норм Общей и Особенной частей УК РФ при вменении лицу пособничества в указанных выше преступлениях террористического характера. Исходя из правил квалификации, подлежит вменению специальная норма, т.е. положения ст. 205.1 УК РФ, что делает

не востребуемым институт соучастия в преступлении. Поэтому С.В. Борисов считает, что криминализация ч. 3 ст. 205.1 УК РФ «не имеет под собой криминологической основы, поскольку противодействие соответствующему деянию было не менее и, пожалуй, более эффективным и без соответствующего дополнения Особенной части УК РФ за счет применения института соучастия в преступлении» [14, с. 288].

Одновременно с этим, в ч. 4 ст. 205.1 УК РФ предусматривается ответственность за организаторские действия: в совершении террористического акта; прохождения обучения в целях террористической деятельности; в захвате заложника, если он совершен организованной группой или повлек по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия или умышленное причинение смерти человеку; в угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженное с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности; а также за организацию финансирования терроризма. По сути, происходит дублирование положений ч. 2 ст. 33 УК РФ, где указываются характеристики лица, признаваемого организатором преступления.

Представляется, в данной ситуации необходимо согласиться с мнением А.В. Зарубина о целесообразности исключения из ст. 205.1 УК РФ всех положения дублирующих нормы института соучастия в преступлении [24, с. 94-97].

Таким образом, после криминализации содействия террористической деятельности, на уровне отдельного состава преступления, его содержание не раз подвергались изменениям. В результате чего в ч. 3 и 4 ст. 205.1 УК РФ и в примечании 1.1 к данной статье, содержатся положения, дублирующие нормы института соучастия в преступления, поэтому необходимо исключить из УК РФ изложенные коллизионные уголовно-правовые нормы в Особенной части.

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ УК РФ дополнен ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». Внесение в российское уголовное законодательство подобных изменений было обусловлено правоприменительной практикой по вопросам правового обеспечения противодействия терроризму.

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ в санкцию ч. 1 ст. 205.5 УК РФ были внесены изменения в виде основного наказания – пожизненного лишения свободы, а Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ в два раза увеличена санкция ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, с 5 и 10 лет до 10 и 20 лет соответственно.

Первый вопрос, который возникает при применении данной статьи УК РФ – это особенности признания организации террористической.

В соответствии с ч. 2 ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» организация признается террористической и подлежит ликвидации, а ее деятельность – запрещению по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282.1-282.3, 360 и 361 УК РФ.

Р.С. Иванов считает, что «общими критериями признания организации террористической являются вероятность совершения ее членами терактов против российских учреждений, предприятий и отдельных граждан для дестабилизации внутривосточной ситуации, а также создание угрозы безопасности России и ее союзников» [25, с. 43]. Необходимо отметить, что такая позиция не противоречит и судебной практике.

Так, в решении Верховного Суда РФ основной причиной признания международных организаций «Исламское государство» и «Джебхат анНусра» (Фронт победы) террористическими и запрете их деятельности на

территории Российской Федерации послужила исходящая от данных организаций угроза безопасности Российской Федерации, «которая выразилась в совершении действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти Российской Федерации либо воздействия на принятие ими решений, а также в использовании диверсионно-террористических и военных методов» (Решение Верховного Суда РФ от 29.12.2014 г. по делу № АКПИ14-1424С) [68].

В соответствии с п. 5 ст. 24 ФЗ «О противодействии терроризму» федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности ведет единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, в связи с чем копия вступившего в законную силу судебного решения по делу о признании организации террористической или копия приговора по уголовному делу о преступлениях, предусмотренных ст. 205.4 УК РФ, направляется судом в ФСБ России. Далее указанный список подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством Российской Федерации.

В пункте 22.6 Постановления № 1 разъясняется следующее: «Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда».

В правовой доктрине преобладает позиция, согласно которой терроризм является крайней формой проявления экстремизма[11, с. 401].

С 2002 по 2013 г. лица, организовавшие деятельность организаций, признанных террористическими, либо участвовавшие в деятельности этих

организаций, несли ответственность по ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации».

Например, Г., зная о запрете деятельности партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. признана террористической организацией) на территории Российской Федерации, осознавая ее общественную опасность, с конца 2009 года, действуя умышленно в интересах данной организации, осуществлял скрытую антироссийскую, антиконституционную пропаганду среди населения, склоняя жителей к участию в деятельности данной организации, воздействуя на их религиозные чувства, организовывал и руководил занятиями по изучению работ «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», распространял литературу и листовки данной террористической организации. Признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ [53, с. 63].

Введение со 2 ноября 2013 г. уголовной ответственности за организацию террористической организации и участие в ее деятельности и одновременное дополнение диспозиции ст. 282.2 УК РФ фразой «за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими» позволило частично снять проблему разграничения террористических и экстремистских объединений.

Дискуссионным остается вопрос о том, экстремистской или террористической должна быть признана организация, от имени или в интересах которой осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 280, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ [59, с. 100-105]. Согласно примечанию к ст. 282.1 УК РФ данные преступления относятся к преступлениям экстремистской направленности.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4] экстремистской деятельностью признается «публичное оправдание терроризма и иная

террористическая деятельность». Такая непоследовательность действующего законодательства сказывается на правоприменительной практике.

Например, решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. украинская организация «Правый сектор» была признана экстремистской и включена в перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых принято решение о ликвидации или запрете ее деятельности (Решение Верховного Суда РФ от 17.11.2014 г. по делу № АКПИ14-1292С) [67].

Далее, по сути, эта же организация, но решением Московского городского суда (вступившего в силу 30 декабря 2014 г.) признается террористической – «Террористическое сообщество – структурное подразделение организации «Правый сектор» на территории Республики Крым» (Решение Московского городского суда от 17.12.2014 г.) [71].

Представляется правильной позиция, в соответствии с которой терроризм и экстремизм по своей природе являются разными асоциальными явлениями. Иная террористическая деятельность (указанная в ч. 2 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму») может проявляться как своеобразное пособничество в осуществлении непосредственно террористического акта и при этом носить исключительно корыстный характер (например, вербовка, вооружение, обучение и использование террористов). Более того, лица, участвующие в указанной деятельности, могут вообще не разделять экстремистских идей лиц, непосредственно осуществляющих террористический акт [52, с. 113].

Анализ глав УК РФ в части составов, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений террористической направленности (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ), показал, что нормы (ссылки), касающиеся ответственности за преступления экстремистской направленности, в указанных статьях отсутствуют.

В контексте исследования особенностей противодействия террористической деятельности отдельного внимание заслуживает вопрос разграничения террористической организации и незаконного вооруженного формирования.

Современная правоприменительная практика по обозначенным нормам имеет свои особенности. Также следует отметить, что судебно-следственные органы по-разному оценивают организованную преступную деятельность участников военизированных джамаатов.

Например, ситуации, связанные с выездами граждан России в Сирийскую Арабскую Республику для участия в боевых действиях в составе организаций «Исламское государство», «Джебхат-ан-Нусра», признанных Верховным Судом РФ террористическими, квалифицируются по ст. 205.5 УК РФ. Однако осуществление террористической деятельности в составе устойчивых групп, не признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, квалифицируется по ч. 2 ст. 208 УК РФ, которая устанавливает ответственность за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Указанные незаконные вооруженные формирования не предусмотрены законодательством Сирии, а их деятельность и участие в них российских граждан противоречат интересам Российской Федерации в части, касающейся мирного разрешения и урегулирования сирийского вооруженного конфликта.

Кроме того, участие граждан Российской Федерации в вооруженных формированиях, действующих на территории Сирии, не отвечает интересам Российской Федерации, указанным в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Таким образом, участие в вооруженном конфликте в Сирии на стороне «вооруженной оппозиции», состоящей из различных террористических

групп и вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством Сирии и, главное, не признанных террористическими по законодательству Российской Федерации, но противоречащих ее интересам, подлежит квалификации по ч. 2 ст. 208 УК РФ. Следует отметить, что практически все существующие в настоящее время в мире террористические организации, по сути, являются незаконными вооруженными формированиями, но таковыми они признаются только в случае, если невозможно установить у них исключительно террористические цели [53, с. 63].

В доктрине высказывается достаточно спорное суждение о неверной квалификации действий организаторов и участников незаконных вооруженных формирований, носящие террористический характер, по ст. 208 УК РФ [53, с. 66]. Тогда как не стоит забывать, что цели незаконных вооруженных формирований могут быть не только террористическими.

Более того, по словам, А.В. Шеслер и И.О. Смирнова, «общественную опасность этому формированию придает не столько цель его создания (как, например, при бандитизме), сколько суть самого формирования, состоящая в том, что незаконные вооруженные формирования как деструктивная альтернатива законным воинским формированиям и правоохранительным органам составляет основу для терроризма, экстремизма, массовых беспорядков, насильственного захвата власти, вооруженного мятежа и иных преступлений» [62, с. 110].

Таким образом, такая избыточность криминализации террористических действий явилась причиной возникающих сложностей при квалификации. В данном случае речь идет о конкуренции общей и специальной норм. Так, норма ст. 208 УК РФ является общей, а ст. 205.5 УК РФ – специальной. Поэтому, в данных ситуациях применяются нормы, предусматривающие или предполагающие создание устойчивых преступных групп с определенными целями (т.е. ст. 205.5 УК РФ, а не ст. 208 УК РФ).

В целом, дополнение УК РФ нормами о преступном сообществе (ст. 205.4 УК РФ) и преступной организации (ст. 205.5 УК РФ) еще больше запутало практику квалификации преступлений против общественной безопасности, совершенных различными криминальными объединениями.

Терроризм как сложное социальное явление давно вышел за пределы границ отдельных государств и превратился в угрозу мировой безопасности. В связи с этим все чаще разгораются серьезные диспуты по вопросу о необходимости правовой регламентации понятия и содержания международного терроризма во внутринациональном законодательстве. С середины 2016 г. в действующем УК РФ предусмотрен такой состав преступления, как «Акт международного терроризма» (ст. 361). При этом уголовная ответственность наступает не только за совершение вне пределов территории Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов Российской Федерации, а также угрозу совершения указанных действий, но и за финансирование перечисленных выше действий [9, с. 128].

Изучение специализированной научной и учебной литературы дает основания признать, что в доктрине уголовного права сформировалось общее понимание дефиниций «взрыв» и «поджог». Имеющиеся у авторов разночтения не носят принципиального характера. Более того, имеется законодательное закрепление указанных дефиниций. В частности, трактовка «взрыва» содержится среди основных понятий, использованных в Федеральном законе от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (ст. 2). Однако возникает закономерный вопрос относительно содержания использованной в ст. 361 УК РФ законодательной конструкции: «...иных действий, подвергающих

опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Федерации...». Однозначного ответа на данный вопрос нет.

По мнению ряда авторов, к таким действиям можно отнести различного рода искусственные (техногенные) катастрофы, разрушение инфраструктуры населенных пунктов, заражение источников водоснабжения, обстрелы жилых массивов и др. [39, с. 18-19]

В данном случае требуется выработка унифицированного толкования обозначенной конструкции.

Ч. 3 ст. 361 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за акт международного терроризма, повлекший причинение смерти человеку. Однако в качестве квалифицирующего признака не закреплено причинение смерти человеку по неосторожности. Этот пробел в законодательстве также должен составлять предмет дальнейших исследований.

Критической оценки заслуживают отдельные решения законодателя, в части установления одинаковой ответственности за террористические акты, совершенные организованной группой и группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ); вызывает сомнения выделение в отдельный состав пособничества в совершении террористических преступлений (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ). По мнению некоторых ученых, назрела необходимость выделения в УК РФ самостоятельной главы, объединяющей все антитеррористические нормы, и др. [35, с. 112].

Заслуживает поддержки законопроект об установлении уголовной ответственности юридических лиц за ряд преступлений, в том числе террористического характера (Проект Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» [45]). Однако это вовсе не означает, что сам законопроект совершенен, поэтому при его обсуждении необходимо учитывать предложения, имеющиеся в науке по данному вопросу.

В частности, названный законопроект предлагает ввести уголовную ответственность юридических лиц, в том числе и по некоторым статьям, предусматривающим уголовную ответственность за террористическую деятельность (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.4, 208, 220 УК РФ).

Особого рассмотрения требует исследование такого вопроса, как введение уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность.

Так, в Российской Федерации на протяжении нескольких последних лет проходит совершенствование законодательства, направленного на защиту детей (несовершеннолетних) и формирование у них основ религиозной и межконфессиональной толерантности.

При этом необходимо обратить внимание на ряд фактов. Во-первых, с конца 80-х гг. XX в. в России наблюдаются радикальные настроения, в частности в религиозных и межрелигиозных отношениях. Во-вторых, одновременно с тем наблюдается кризис духовно-нравственных основ российского общества (на которой акцентируют свое внимание многие ученые [37, с. 107-109]). Родители, принадлежащие к определенному запрещенному религиозному течению, прививают или могут прививать своим детям данные религиозные догмы.

В связи с этим необходимо совершенствовать отечественное уголовное законодательство, предусмотрев соответствующие квалифицирующие признаки, сопряженные со склонением, вербовкой либо иным вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», дополнить ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» квалифицирующим признаком: «то же деяние совершенное в отношении несовершеннолетнего», к тому же данный признак уже предусмотрен в подобных деяниях некоторых стран ближнего зарубежья [31, с. 276].

Таким образом, дополнение этих статей УК РФ квалифицирующим признаком, сопряженным с вовлечением несовершеннолетних в террористическую деятельность, будет соответствовать защите детей от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их нравственному и духовному развитию.

Проведенный анализ практики реализации уголовной ответственности за террористическую деятельность, позволяет сделать следующие выводы:

1. Распространение специальных условий освобождения от уголовной ответственности только на виновных, впервые совершивших преступления террористического характера, предусмотренные ст. 205.5 и 208 УК РФ, недостаточно обосновано. В связи с чем, целесообразно исключить из текстов примечаний к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ слова «впервые», что позволит расширить действие обозначенных компромиссно-поощрительных норм до традиционных границ.

2. После криминализации содействия террористической деятельности, на уровне отдельного состава преступления, его содержание не раз подвергались изменениям. В результате чего в ч. 3 и 4 ст. 205.1 УК РФ и в примечании 1.1 к данной статье, содержатся положения, дублирующие нормы института соучастия в преступлениях, поэтому необходимо исключить из УК РФ изложенные коллизионные уголовно-правовые нормы в Особенной части.

3. Необходимо совершенствовать отечественное уголовное законодательство, предусмотрев квалифицирующие признаки, сопряженные со склонением, вербовкой либо иным вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», дополнить ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» квалифицирующим признаком: «то же деяние совершенное в отношении несовершеннолетнего».

Заключение

В заключительной части настоящей бакалаврской работы, необходимо подвести следующие итоги.

Первая глава была посвящена теоретико-правовому анализу уголовной ответственности за террористическую деятельность.

Под террористической деятельностью следует понимать указанные в законах виды деятельности, имеющие устрашающий характер и (или) иные формы противоправных насильственных действий, направленные на идеологию насилия, оказывающие практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями.

Преступления, относящиеся к террористической деятельности - это предусмотренные УК РФ преступления, которые совершаются посредством действий, имеющие устрашающий характер и (или) иными формами противоправных насильственных действий, направленные на идеологию насилия, оказывающие практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти или международными организациями.

В УК РФ выделены семнадцать составов преступлений, относящиеся к террористической деятельности, которые расположены в трех различных разделах и главах УК РФ. Подобный «разброс» законодателя преступлений, относящихся к террористической деятельности, лишний раз показывает, что данная деятельность причиняет угрозу многим объектам уголовно-правовой охраны. Объединяющим же элементом данных составов преступления, как раз и является сама террористическая деятельность, имеющая устрашающий характер и оказывающая практическое воздействие на принятие решения органами государственной власти или международными организациями.

Во второй главе бакалаврской работы была рассмотрена практика реализации уголовной ответственности за террористическую деятельность.

Отдельным вопросом была рассмотрена проблема освобождения от уголовной ответственности за террористическую деятельность и, в частности, такая проблема, как совершенность преступления впервые.

Так, было отмечено, что для юридически значимого признания факта повторного совершения лицом рассматриваемых преступлений террористического характера, с уголовно-правовой точки зрения, необходимо установить, что, во-первых, в отношении данного лица имеется уже вступивший в законную силу обвинительный приговор суда за совершение обозначенных преступлений; во-вторых, судимость за них еще не погашена или не снята; в-третьих, это лицо не освобождено от наказания. Только при совокупности названных условий лицо не может быть признано «впервые совершившим преступление»; во всех остальных случаях лицо признается совершившим преступление впервые.

Рассмотренный ограничительный подход в части регламентации компромиссно-поощрительных норм в борьбе с преступлениями террористического характера исключительно и только в отношении лиц, впервые их совершивших, не вполне логичен. В то время, как освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от продолжения участия в террористической организации или незаконном вооруженном формировании есть компромиссно-поощрительная норма.

Представляется, что распространение рассматриваемых специальных условий освобождения от уголовной ответственности только на виновных, впервые совершивших преступления террористического характера, предусмотренные ст. 205.5 и 208 УК РФ, недостаточно обосновано. Они не в полной мере согласуются с вышеприведенными положениями УК РФ, описывающими традиционно устоявшийся алгоритм регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных норм в процессе пресечения особо тяжких преступлений террористического характера.

Принимая во внимание вышеизложенное, целесообразно исключить из текстов примечаний к ст. 205.5 и ст. 208 УК РФ слова «впервые». Это позволит

расширить действие обозначенных компромиссно-поощрительных норм до традиционных границ. Такие изменения, в свою очередь, будут способствовать обеспечению максимальной степени реализации задач уголовного закона посредством применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием после совершения особо тяжких преступлений террористического характера. Кроме того, такие изменения будут способствовать систематизации уголовно-правовой регламентации и правоприменения компромиссно-поощрительных мер в борьбе с терроризмом.

Проблемы усиления уголовной ответственности за террористическую деятельность связаны, прежде всего, с криминализацией новых составов преступлений.

Так, после криминализации содействия террористической деятельности, на уровне отдельного состава преступления, его содержание не раз подвергались изменениям. В результате чего в ч. 3 и 4 ст. 205.1 УК РФ и в примечании 1.1 к данной статье, содержатся положения, дублирующие нормы института соучастия в преступлениях, поэтому необходимо исключить из УК РФ изложенные коллизионные уголовно-правовые нормы в Особенной части.

Важно также совершенствовать отечественное уголовное законодательство, предусмотрев квалифицирующие признаки, сопряженные со склонением, вербовкой либо иным вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», дополнить ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности» квалифицирующим признаком: «то же деяние совершенное в отношении несовершеннолетнего». Дополнение этих статей УК РФ соответствующим квалифицирующим признаком, будет соответствовать защите детей от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред их нравственному и духовному развитию.

Список используемых источников

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. - № 25. – Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 11. – Ст. 1146.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2002. - № 30. – Ст. 3031.
5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 1 (Ч. II). - Ст. 212.

Специальная литература

6. Абаренков В. П., Шишлин Н. В., Оников Л. А. Краткий политический словарь. – М.: Полит-издат, 1987. - 422 с.
7. Агапов П.В. Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению // Уголовное право. - 2003. - № 2. - С. 50-52.

8. Аликперов Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1992. – 420 с.
9. Амельчаков О.И. Уголовная ответственность за преступления террористической направленности: доктринальные и правовые основы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2017. - № 4 (50). - С. 127-130.
10. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. - М.: Щит-М, 2001. – 547 с.
11. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2012. – 679 с.
12. Байрак Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2003. – 190 с.
13. Белокуров Г.И. Мотивационная направленность личности террориста // Юридическая психология. – 2008. - № 2. – С. 45-49.
14. Борисов С.В. К вопросу о криминологической основе состава преступления в виде пособничества в совершении террористического акта // Криминологические основы уголовного права: Материалы X Российского конгресса уголовного права. - М., 2016. - С. 286-290.
15. Векленко В.В. Значение объекта преступления // Учение об объекте преступления: тенденции и перспективы развития: Сб. науч. трудов. - Омск, 2005. – С. 3-8.
16. Витюк В. В. Социальная сущность и идейно-политические концепции современного левого терроризма: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. - М., 1981. – 30 с.
17. Гаужаева В.А. Соотношение понятий терроризм и террористическая деятельность в нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы противодействия терроризму // Успехи современной науки. - 2017. - Т. 7. - № 3. - С. 88-92.

18. Григорьев А.А. Уголовно-правовая ответственность за терроризм в современном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2012. – 212 с.
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 1989-1991. – 879 с.
20. Дзюба А.А. Специальные условия освобождения от уголовной ответственности за организацию и участие в деятельности террористической организации и незаконного вооруженного формирования: проблемы систематизации уголовно-правового регулирования и квалификации // Общество и право. - 2017. - № 2 (60). - С. 57-60.
21. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия: Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Автореф...канд...юрид...наук. - Спб. 2004. – 47 с.
22. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М. Российская криминологическая ассоциация, 2003. – 846 с.
23. Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: Уголовно-правовое исследование. - СПб., 2002. – 250 с.
24. Зарубин А.В. Проблемы уголовно-правовой оценки пособничества террористической деятельности// Вестник национального антитеррористического комитета. - 2012. - № 2. - С. 94-97.
25. Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2016. – 204 с.
26. Ивлиев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. – 198 с.
27. Ильясов Ф. Н. Терроризм – от социальных оснований до поведения жертв // Социологические исследования. - 2007. - № 6. - С. 80-84.

28. Кайшев А.В. Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений: дис. ... канд. юрид. наук. - Ижевск, 2005. – 212 с.
29. Калинин Р.С. К вопросу о дифференциации возраста уголовной ответственности за террористический акт (акт терроризма) по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь // Вестник Московского университета МВД России. - 2015. - № 10. - С. 122-126.
30. Ковлагина Д.А. Понятие общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны // В сборнике: Уголовная политика и проблемы правоприменения сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Составитель: Екатерина Николаевна Рахманова. - 2013. - С. 77-80.
31. Кокорев В.Г. К вопросу о необходимости установления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность // В сборнике: Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики Сборник материалов Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 275-279.
32. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. - Т. 2. – 1032 с.
33. Кондрашов Б. П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения. - М., 1998. – 212 с.
34. Копылов М.Н., Минязев Д.М. Преступления, относящиеся к террористической деятельности в системе норм Особенной части УК РФ, и их виды // Общество и право. - 2012. - № 2 (39). - С. 105-110.
35. Кочои С.М. Противодействие терроризму: политика и право // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. - 2018. - Т. 18. - № 1. - С. 110-114.

36. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. - М., 2005. – 260 с.
37. Кручинин С. В. Духовно-нравственный кризис современного общества: сущность, причины и возможные пути преодоления // Глобальный научный потенциал. 2015. - № 10 (55). - С. 107-109.
38. Мартыненко Б.К. Разграничение категорий «терроризма» и «террора» // Общество и право. - 2011. - № 3. - С. 33-37.
39. Мирзоахмедов Ф.А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2016. – 196 с.
40. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1992. – 1080 с.
41. Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 03.02.2016 г. № 3-ВС-701/16 «На проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
42. Официальный отзыв Правительства РФ от 16.03.2016 г. № 1681п-П4 «На проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
43. Павлов В.Г. Субъект преступления. - СПб: Юридический центр пресс, 2001. – 260 с.
44. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления

- дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
45. Проект Федерального закона № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 23.03.2015) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
46. Противодействие преступлениям террористической и экстремистской направленности. Вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: учебно-методическое пособие для студентов // Под ред. В.В. Волченкова, Б.П. Михайлова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. – 280 с.
47. Парог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. - 2017. - № 4 (125). - С. 155-178.
48. Решение Комитета по безопасности и противодействию коррупции от 10.05.2016 г. № 174/6 «О проекте федерального закона № 1039101-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
49. Руденко А.С., Пичугин С.А. Некоторые проблемы квалификации террористического акта и его отграничения от других составов преступлений // Вестник Владимирского юридического института. - 2017. - № 2 (43). - С. 105-110.
50. Сильченко Е.В., Наджаф Н.А. Сравнительно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 205 (террористический акт) Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 289 (акт терроризма) Уголовного кодекса Республики Беларусь // В сборнике: Наука сегодня:

- глобальные вызовы и механизмы развития материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях. Научный центр «Диспут». - 2017. - С. 30-34.
51. Сипки М.В. О практике применения статей 205.4 и 205.5 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 1. - С. 123-126.
52. Скудин А.С. Соотношение понятий «экстремизм» и «терроризм» в российском праве // Вестник Национального антитеррористического комитета. - 2016. - № 2 (15). - С. 111-115.
53. Смирнов И.О., Иванов Р.С. Особенности уголовно-правового противодействия террористическим организациям // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2018. - № 1 (43). - С. 62-68.
54. Состояние преступности в России за январь-апрель 2018 года. М., 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф>. (дата обращения: 28.05.2018 г.).
55. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М., 2017. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф>. (дата обращения: 28.05.2018 г.).
56. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. М., 2018. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://мвд.рф>. (дата обращения: 28.05.2018 г.).
57. Суденко В.Е. Террористический акт и диверсия на железнодорожном транспорте: дифференциация понятий и содержания // Транспортное право и безопасность. - 2017. - № 7 (19). - С. 11-16.
58. Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты: монография. - М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 260 с.
59. Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. - 2015. - № 1. - С. 100-105.

- 60.Фирсаков С.В., Савинков А.А. Ответственность за ослепление лиц, управляющих воздушным, железнодорожным и автотранспортом, с использованием лазерного излучения // Российский следователь. - 2013. - № 1. - С. 22-25.
- 61.Шемякин Л.Л. Проблемы теории специального субъекта преступления // Пробелы в российском законодательстве. - 2009. - № 3. - С. 99-102.
- 62.Шеслер А.В., Смирнов И.О. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем. - М.: Юрлитинформ, 2016. – 360 с.

Материалы юридической практики

- 63.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // БВС РФ. – 2013. - № 8.
- 64.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // БВС РФ. - 2012. - № 4.
- 65.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12.12.2017 г. № 201-АПУ17-45 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 66.Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 201-АПУ17-51 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 67.Решение Верховного Суда РФ от 17.11.2014 г. по делу № АКПИ14-1292С [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
- 68.Решение Верховного Суда РФ от 29.12.2014 г. по делу № АКПИ14-1424С [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

69. Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда № 1-39/2015 от 25.08.2015 г. по делу № 1-39/2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>. (дата обращения: 15.05.2018 г.).
70. Приговор Калининградского областного суда № 2-12/2012 от 12.07.2012 г. по делу № 2-12/2012 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc>. (дата обращения: 15.05.2018 г.).
71. Решение Московского городского суда от 17.12.2014 г. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.